

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О ПРАВЕ: ВЗГЛЯД ЦИВИЛИСТА.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
В. Ф. ПОПОНДОПУЛО «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»
(М.: ПРОСПЕКТ, 2021. 736 С.)**

Разуваев Николай Викторович

доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; nrasuvaev@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье дан развернутый анализ монографии В. Ф. Попондопуло «Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация». Автор рецензии отмечает актуальность монографии, ее комплексный и всесторонний характер, позволяющий глубоко исследовать феномен человеческой деятельности как основы правопорядка. По мнению автора, концепция, разработанная В. Ф. Попондопуло, обладает высокой научной и практической ценностью, поскольку закладывает фундамент правопонимания, способствующего преодолению кризиса теоретико-методологических оснований отраслевых юридических наук и, прежде всего, науки гражданского права. Несмотря на то, что в монографии В. Ф. Попондопуло присутствуют отдельные дискуссионные положения, они, по мнению автора, не только не снижают ценности исследования, но и стимулируют углубленное изучение проблем, рассмотренных в нем.

Ключевые слова: человеческая деятельность, правовое регулирование, коммуникативная теория права, частное право, публичное право, юридические нормы, субъективные права.

**CURRENT PROBLEMS OF THE SCIENCE OF LAW: A CIVILIST'S VIEW.
REVIEW OF THE MONOGRAPH OF V. F. POPONDOPULO "HUMAN ACTIVITY:
LEGAL FORMS OF IMPLEMENTATION AND PUBLIC ORGANIZATION"
(M.: PROSPECT, 2021. 736 P.)**

Nikolay V. Razuvaev

Doctor of Science (Law), Head of the Department of Civil and Labor Law of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; nrasuvaev@yandex.ru

ABSTRACT

The article provides a detailed analysis of the monograph V. F. Popondopulo "Human activity: legal forms of implementation and a public organization". The review author notes the relevance of the monograph, its integrated and comprehensive nature, allowing to deeply explore the phenomenon of human activity as the basis of law enforcement. According to the author, the concept developed by V. F. Popondopulo has a high scientific and practical value, since it lays the foundation of the theory of law that promotes the crisis of the theoretical and methodological foundations of sectoral legal sciences, primarily the science of civil law. Even though in the monograph V. F. Popondopulo present certain discussion provisions, they, according to the author, not only do not reduce the values of the study, but also stimulate an in-depth study of the problems considered in the study.

Keywords: human activity, legal regulation, communicative theory of law, private law, public law, legal norms, subjective rights.

---

1. Введение

Полагаем, не будет излишней смелостью утверждать, что в наши дни в науке о праве особенно востребованы обобщающие монографические исследования, как общетеоретического характера, так и в сфере отраслевых юридических дисциплин. Более того, юридическое познание испытывает известный дефицит в таких исследованиях,

сосредоточиваясь главным образом на рассмотрении частных вопросов, которые также в немалом количестве возникают по мере ускорения процессов нормативного регулирования и внесения все новых и новых изменений в действующее законодательство. Как следствие, особенно в отраслевых науках, возникает отчетливая диспропорция между расширяющейся эмпирической базой, наличие которой выступает необходимым условием для концептуальных обобщений, и скудостью самих этих обобщений, пока еще так и не ставших стимулом для дальнейшего роста научного знания, в том числе знания эмпирического¹.

Подобная ситуация со всей наглядностью проявляет себя в тех отраслевых юридических дисциплинах, чья проблематика сформировалась в тесном контакте с философией и общей теорией права, а также иными направлениями социального знания, включая в себя тем самым как фундаментальный, так и прикладной уровни. Речь идет, прежде всего, о науках гражданского и конституционного права, переживающих активное развитие, стимулируемое реформированием соответствующих нормативных отраслей. Казалось бы, указанное обстоятельство должно способствовать и углублению доктринальной саморефлексии в плане совершенствования представлений о предмете, методологии, основных задачах познания и т. п.

Между тем на деле ничего подобного не происходит. Так, за минувшие пять лет, с 2017 по 2021 г., цивилистами были опубликованы лишь единичные работы, посвященные указанной проблематике², причем, насколько можно судить, авторы в основном следуют в русле традиционных представлений, сформулированных в трудах О. С. Иоффе, О. А. Красавчикова, С. С. Алексеева и других ученых советской эпохи. Как следствие, творческое решение с современных позиций предметно-методологических вопросов цивилистической науки, на необходимость которого давно уже указывает В. А. Белов³, подменяется тезисами, ставшими поистине *locus communis* российского правоведения.

Так, Л. Ю. Василевская, давая беглый обзор развития гражданского права в Российской империи и Советском Союзе, завершает его выводом о том, что современное отечественное законодательство (видимо, являющееся единственным предметом, заслуживающим внимания юриста), равно как и цивилистическая доктрина, обязано своим происхождением германской цивилистике и прочно укорененному в ней идейному наследию так называемой *Begriffsjurisprudenz* (юриспруденции понятий), что якобы исключает любые возможности рецепции институтов общего права в российскую правовую систему⁴. Столь неожиданный, на первый взгляд, вывод находит свое логическое объяснение с учетом того обстоятельства, что упоминаемая автором «юриспруденция понятий», будучи разновидностью классического позитивизма середины позапрошлого столетия, действительно плохо сочетается с англо-американским правопорядком, доктринальную основу которого составляют аналитическая юриспруденция Г. Л. Харта и У. Хофельда, а также концепции «живого права» О. В. Холмса и Р. Паунда⁵.

Более того, цивилистические конструкции «юриспруденции понятий», будучи подвергнуты критике уже в трудах представителей «юриспруденции интересов» и их последователей⁶, в настоящее время утратили свое значение и для германского правопорядка, в том числе на уровне правоприменительной и судебной практики, как известно, переживших глубокую модернизацию после Второй мировой войны. Вот почему вызывает серьезные сомнения целесообразность и уместность попыток навязать отечественной цивилистике (под предлогом верности историческим традициям) постулатов, неактуальных в настоящее время. Едва ли оправданным представляется и прагматический пафос, разделяемый, в частности, Б. М. Гонгалом, по словам которого «юридическая наука по сути своей наука прикладная». «Если то или иное положение, сформулированное доктриной, не имеет и не может иметь практического применения, такое положение является не только ненужным, но и вредным для юридической науки»⁷.

В самом деле, давно уже стало самоочевидной истиной, что для науки (сколь бы прикладной она ни была) ориентация исключительно на потребности практики является столь же контрпродуктивной позицией, как для философии — опора на пресловутый *common sense*. Думается, что в наличии уровня фундаментальных знаний,

¹ Как известно, тезис о взаимовлиянии и взаимной обусловленности теоретического и эмпирического знаний является основополагающим для эволюционной эпистемологии К. Поппера и ряда других современных науковедческих доктрин. См.: *Popper K. Evolutionary Epistemology. Evolutionary Theory: Paths into the Future.* Ed. by J. W. Pollard. New York: John Wiley & Sons, 1984. P. 240; *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: «Прогресс», 1983. С. 540–541; *Разуваев Н. В.* Эволюция социальной реальности и рост научного знания. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, 2019. Т. 10. № 1 (38). С. 36–39.

² См., в частности: *Василевская Л. Ю.* К вопросу о предмете юридической науки. Российский юридический журнал, 2017. № 1 (112). С. 34–39; *Филиппова С. Ю.* Концепция науки гражданского права как объекта цивилистического исследования. Образование и право, 2017. № 4. С. 158–163; *Гонгало Б. М.* Российская наука гражданского права: исторический, предметный и академический аспекты, 2020. № 6 (135). С. 94–104.

³ См.: *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики.* Под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 130 и след.

⁴ См.: *Василевская Л. Ю.* Указ. соч. С. 37.

⁵ См., в частности: *Харт Г. Л. А.* Небеса понятий Р. Йеринга и современная аналитическая юриспруденция. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 247–257.

⁶ См. об этом подробнее: *Третьяков С. В.* Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права. Вестник гражданского права, 2020. Т. 20. № 3. С. 9–42; *Haferkamp H.–P.* Georg Friedrich Puchta und die "Begriffsjurisprudenz" Fr. a. M.: V. Klostermann, 2004. S. 26–46.

⁷ *Гонгало Б. М.* Указ. соч. С. 101–102.

напрямую не эксплицируемых из эмпирической действительности, состоит основное отличие любой науки от ремесла, а также от метанаучных видов интеллектуальной деятельности, таких как художественное творчество, политическая пропаганда и т. п. В любом случае оценки того, насколько некие доктринальные положения способны найти практическую реализацию, могут делаться лишь *ex post facto*, в достаточно протяженной временной перспективе. Например, настойчивые попытки ряда теоретиков прошлого достичь междисциплинарного синтеза путем привлечения концептуальных и методологических наработок смежных социально-гуманитарных (а то и естественных) наук⁸ подвергались резкой критике со стороны современников, что, однако, не смогло воспрепятствовать последующему признанию полезности таких заимствований не только для общей теории, но и для прикладных юридических исследований.

В качестве наглядной иллюстрации сказанному приведем дискуссии, ведшиеся в середине 2000-х гг. вокруг постклассического правопонимания, упрекаемого в отрыве от реальности и неспособности добиться практических результатов. Примечательно, что по прошествии полутора десятилетий уже можно констатировать известное сближение позиций сторонников и противников постклассического правопонимания и, таким образом, признание перспективности последнего со стороны ученых, которые в свое время рассматривали его лишь в качестве совокупности своего рода «юридико-догматических химер»⁹. Более того, сейчас уже мало кем оспаривается, что постклассическое правопонимание не только является значительным достижением современной теоретико-правовой мысли, но и придало мощный импульс к развитию отраслевых юридических дисциплин, включая науку гражданского права¹⁰.

Из всего сказанного напрашивается вывод об известной кризисности правопонимания, удерживающего господствующие позиции в отраслевых юридических дисциплинах, отчасти находящегося в плену догматических представлений советской, если не досоветской, эпохи. Представляется, что именно стремлением найти выход из этой кризисной ситуации, становящейся особенно заметной на фоне успехов, достигнутых общей теорией права, ничего по существу не меняя в идейном содержании соответствующих дисциплин, объясняются апелляции и к историческим традициям, и к сугубо прикладному предназначению юриспруденции.

Безусловно, любая юридическая наука в той или иной мере призвана конструировать правовую реальность, оказывая влияние на действующее законодательство, судебную и правоприменительную практику, воплощающие в себе основные доктринальные результаты. Тем не менее признание указанного обстоятельства не должно служить тормозом к развитию отраслевых юридических дисциплин, движущей силой которого служит выработка новых концепций, осуществляемая с опорой на общетеоретические конструкции. Полагаем, что новая монография В. Ф. Попондопуло, к рассмотрению которой мы намерены далее обратиться, не только вносит заметный вклад в решение указанной задачи, но и служит важной вехой на пути к построению интегративного правопонимания, синтетически объединяющего в себе как общую теорию права, так и специальные (отраслевые) теории.

2. Человеческая деятельность как предмет изучения социальных наук

Первое, что привлекает внимание в монографии В. Ф. Попондопуло, — ее жанр, достаточно непривычный не только для современной юриспруденции, но и для самого автора, известного цивилиста, успешно специализирующегося в области гражданского и коммерческого права, автора ряда монографических исследований, сочетающих в себе скрупулезный фактографический анализ с весьма интересными концептуальными обобщениями¹¹. Также хотелось бы отметить, что в исследовании получили свое развитие идеи, высказанные не только в ранее вышедших монографиях, но и в статьях, опубликованных на страницах периодических научных изданий, включая журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция»¹². Тем не менее рецензируемая работа не укладывается в рамки какой-либо одной предметной области, представляя собой уникальный опыт всестороннего, комплексного изучения российской правовой системы в целом, а также основных научных проблем, возникающих в данном контексте.

Эта широта исследовательского замысла находит свое проявление уже в структуре монографии, включающей в себя два раздела, причем первый содержит социально-философский, а также теоретико-правовой анализ человеческой деятельности и общества, выступающих в качестве объекта и предмета как изучения, так и правового регулирования. Второй раздел посвящен рассмотрению системы субъективных прав, в которых автор, руковод-

⁸ См., в частности: *Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 2. Abt. 2. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1858. S. 323.*

⁹ См., например: *Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву. Правоведение, 2006. № 1. С. 31–40; Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении. Правоведение, 2006. № 5. С. 4–22.*

¹⁰ См. об этом, в частности: *Будилов В. М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода»).* Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Право, 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 4–23.

¹¹ См., например: *Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность.* Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985; *Он же. Правовой режим предпринимательства.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994 и др.

¹² См.: *Попондопуло В. Ф. О нормативном режиме деятельности частных лиц. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2020. № 4. С. 31–38; Он же. Дуализм регулирования общественных отношений (правовое и нормативное регулирование). Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 3. С. 7–16.*

ствуюсь теоретико-методологическими предпосылками, сформулированными и обоснованными в разделе первом, видит предмет юридической науки, а не просто легальной догматики.

В четырех главах, составляющих содержание данного раздела, В. Ф. Попондопуло последовательно анализирует основные права и свободы человека, субъективные гражданские (частные) права, субъективные права, складывающиеся в сфере публичных отношений, и, наконец, субъективные права в международных отношениях. Представляется, что такой срез современного правопорядка, раскрывающий его сущность не столько через нормативную составляющую (так называемую систему права), сколько через субъективные права участников отношений, является не только новаторским, но и в максимальной мере соответствующим природе правовой регуляции поведения, важнейшим средством которой являются именно субъективные права и обязанности, в диахронной ретроспективе, а зачастую и в синхронии, предшествующие нормам.

Как видим, перед нами — не учебник, хотя по полноте раскрытия материала работа вполне может выступать в данном качестве, и не монография, как правило, связанная тесными отраслевыми рамками, но *трактат* в том буквальном значении, которое, вслед за Людвигом Мизесом¹³, вкладывает в данное понятие В. Ф. Попондопуло. Руководствуясь идеями Л. Мизеса, автор видит в человеческой деятельности первооснову любых видов социальной реальности (включая реальность правовую) и, следовательно, предмет изучения всех социальных наук. По словам автора: «Трактовка юридической теории, основанная на общей теории человеческой деятельности, позволяет по-новому представить соотношение правовых форм осуществления человеческой деятельности и форм ее публичной организации, как принципиально различных сфер жизни общества» (с. 4). Следуя данной идее и видя в субъективных правах и обязанностях индивидов юридические формы осуществления человеческой деятельности, В. Ф. Попондопуло создает влечащуюся развернутую онтологию правовой реальности, что до сих пор было по силам только римским юристам классической эпохи (Папиниану, Ювенцию Цельсу — младшему, Сальвию Юлиану и др.)¹⁴.

Как же понимает человеческую деятельность В. Ф. Попондопуло? По его мнению, деятельность — это социальная активность, определяемая свободной волей человека как автономного существа. Именно свобода, являющаяся важнейшей сущностной характеристикой любой социально значимой деятельности, составляет предмет изучения общественных наук, включая науки о праве, отличая их методологию от методов естественнонаучного познания. Последнему детерминированность предмета всеобщими причинно-следственными связями позволяет формулировать универсальные законы, на основе которых можно не только описывать происходящие в природе процессы, но и предвидеть те процессы, которые могут происходить в будущем. Социальные же науки, в силу специфики самого предмета, включающего в себя свободную волю индивидов, не могут формулировать таких всеобщих законов (несмотря на тщеславную уверенность некоторых теоретиков, подобных К. Марксу, в своей способности выступать в роли первооткрывателей законов истории¹⁵).

Это, впрочем, отнюдь не означает, что исторический и иные социальные процессы не подчиняются никаким законам. Такие закономерности, безусловно, существуют, но они имеют гораздо более частный и стохастичный характер, обусловленный неустранимым участием свободной воли действующих индивидов во всех сферах общественного бытия (с. 15). Данное утверждение, на наш взгляд, служит ключевой философской идеей, выгодно отличающей концепцию В. Ф. Попондопуло не только от советского и постсоветского легизма, но и от воззрений некоторых современных представителей постклассического правопонимания, декларирующих неуниверсальность прав и свобод человека, их контекстуальную обусловленность и т. п.¹⁶

Теоретические антиномии, возникающие при этом, получают достаточно убедительное разрешение в рамках правопонимания, разработанного ученым. В самом деле, если свободу и можно рассматривать в качестве абстракции применительно к нормативному определению права «в объективном смысле», то эта же абстракция наполняется предельно конкретным содержанием, когда речь заходит о субъективных правах, являющихся, по мысли автора, необходимыми элементами любого правопорядка. В таком случае утверждение о ценностной нерелевантности категории свободы для тех или иных правопорядков (например, дальневосточных) оказывается равносильным тезису, в соответствии с которым в таких правопорядках вообще отсутствуют субъективные права, а есть только обязанности и запреты, что представляется абсолютно невозможным как логически, так и эмпирически.

Важным выводом из рассмотренных положений становится понимание правовой деятельности, сближающее концепцию В. Ф. Попондопуло с такой влиятельной версией постклассического правопонимания, как коммуникативная теория права А. В. Полякова¹⁷. Как справедливо отмечает исследователь: «Любая коммуникация, включая правовую коммуникацию, зависит от деятельности участвующих в ней индивидов. Человек имеет возможность дей-

¹³ См.: Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.

¹⁴ Об энциклопедическом характере классической римской юриспруденции см. подробнее: Кипп Т. История источников римского права. СПб.: Тип. Первой СПб трудовой артели, 1908. С. 99–110.

¹⁵ См.: Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 97 и след.

¹⁶ См., в частности: Честнов И. Л. Универсальное/контекстуальное в нормировании правом свободы. Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки, 2016. № 2. С. 12.

¹⁷ См. подробнее: Поляков А. В. Право и коммуникация. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 11–33.

ствовать именно потому, что открывает причинные связи, определяющие процессы изменений именно потому, что обладает способностью открывать причинные связи, определяющие процессы изменений и становления в природе» (с. 20–21). Таким образом, если мы верно поняли мысль автора, необходимой предпосылкой коммуникации выступает познание истины, то есть объективных закономерностей, причинно-следственных связей, существующих в природе и в обществе.

Не станем спорить с тем, что когнитивная, познавательная функция присуща всякой коммуникации, включая, прежде всего, коммуникацию речевую¹⁸, представляющую собой процесс производства, кодирования, обмена и декодирования информации об окружающем мире¹⁹. Вместе с тем, руководствуясь обоснованной еще И. Кантом дихотомией *reinen/praktischer Vernunft*, рискнем предположить, что для правовой коммуникации познание объективной истины не является основной задачей. Вот почему правовая коммуникация представляет собой обмен не столько информацией, сколько релевантными смыслами, причем ее процедурная «правильность», выступающая гарантией взаимопонимания коммуникантов, одновременно служит залогом и когерентности конструируемой на их основе правовой реальности. Игнорирование указанного обстоятельства со стороны законодателя и правоприменителя становится причиной тяжелых и трудно исправимых дефектов правопорядка, порождая целый ряд фантомов, таких, например, как поиск «объективной истины» в уголовном процессе, отсылки к которой, как хорошо известно, долгое время служили оправданием обвинительного уклона в судопроизводстве. Даже теперь, глядя на продолжающиеся споры процессуалистов²⁰, хочется, подобно Пилату (знавшему толк в судебных процедурах), спросить: «А что есть истина?», ведь и в самом деле нужно быть Сыном Божиим, чтобы ею *a priori* владеть.

Точно так же хотелось бы возразить автору и в его попытке обосновать меновую концепцию правовой деятельности (с. 37, 39), развивавшуюся еще в советские времена рядом ученых, прежде всего, таких как Е. Б. Пашуканис, С. И. Асканазий, Л. И. Спиридонов и др.²¹ Думается, что, будучи взаимодействием социальным, правовая деятельность характеризуется несколькими существенными признаками, отличающими ее от простого взаимобмена товарами и прочих видов экономического обмена (который, бесспорно, также может рассматриваться в качестве социального взаимодействия при наличии этих признаков). Во-первых, правовое действие имеет *осмысленный* характер, то есть содержит в своей основе взаимосогласование культурных ценностей, а также иных смыслов, определяющих поведение сторон. Во-вторых, оно всегда обладает *ориентацией на Другого*, то есть совершается в расчете на релевантный ответ с его стороны. В-третьих, такое действие является *типизированным*, то есть значимым для всех членов общества, способных в сходной ситуации воспроизвести соответствующую типическую модель поведения²².

Собственно, именно эти свойства юридически релевантного поведения (правовой коммуникации) делают его объектом правовой регуляции, обеспечивая и основные признаки последней, которые нормативисты приписывали «объективному праву». Речь идет, прежде всего, о таких признаках, как общезначимость, общеобязательность права как регулятора человеческого поведения, по всей видимости, присущих самой природе социальной (само)регуляции как таковой. В этой связи заслуживает особо пристального внимания проблема регулирования, в юридической литературе до сих пор не получившая не только удовлетворительного рассмотрения, но и надлежащей постановки²³. Детальное исследование данной проблемы, предпринятое В. Ф. Попондопуло, представляет значительный интерес, поскольку выводы, к которым приходит ученый, обладают не только ярко выраженной научной новизной, но и практической ценностью, а потому могут послужить стимулом для развития цивилистики, а также иных отраслевых юридических дисциплин.

3. Правовое и нормативное регулирование: сущность и различия

Легко заметить, что предложенная автором трактовка логически вытекает из сформулированного им определения общества как упорядоченной совокупности взаимодействующих индивидов, а также отношений между ними, основанных на таком взаимодействии (с. 51). Рассматривая данную проблему, далеко выходящую за рамки юри-

¹⁸ См.: Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. Изд. 2-е, стереотип. М.: Комкнига, 2005. С. 21.

¹⁹ По словам создателя математической теории связи К. Шеннона: „The fundamental problem of communication is that of reproducing at one point either exactly or approximately a message selected at another point. Frequently the messages have meaning; that is they refer to or are correlated according to some system with certain physical or conceptual entities” (*Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication. The Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379*).

²⁰ См. об этом, в частности: Якимович Ю. К. О возможности достижения объективной истины в современном уголовном судопроизводстве. Уголовная юстиция, 2014. № 1 (3). С. 69–73.

²¹ См.: Пашуканис Е. Б. Избр. произведения по общей теории права и государства. М.: Юрид. лит., 1980; Асканазий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008; Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука, 1987.

²² См. подробнее: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 82–83.

²³ Как известно, до сих пор в российской юридической литературе пользуются широким признанием концепции правового регулирования, лежащие в идейном русле марксистско-ленинской общей теории государства и права. См.: Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966 и др.

спруденции, но являющуюся основополагающей для всех социальных наук, В. Ф. Попондопуло обозначает идейный антагонизм двух подходов к понятию общества, известных как социологический реализм и социологический номинализм. Для сторонников первого, представленных именами Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса, К. Маркса и др., общество является особой реальностью, существующей наравне с индивидами и обладающей, подобно гоббсовскому Левиафану, особым онтологическим статусом своего рода «коллективного тела»²⁴.

Иными словами, социум может рассматриваться в качестве самостоятельного актора, вступающего со своими членами в разнообразные взаимодействия, в том числе в такие, где он обладает способностью и возможностью воздействовать на поведение всех остальных субъектов²⁵. В свете рассмотренной установки вполне естественным оказывается тезис, в соответствии с которым право представляет собой систему норм, выражающих волю общества или государства как его руководящего органа. Таким образом, давая определение сущности права и правового регулирования, приверженцы реалистического подхода делают основной акцент на нормативной их составляющей. Юридические нормы не только мыслятся в качестве необходимого элемента, присущего любому правопорядку, но и представляют собой объективацию некоей общей воли, будь то воля государства, господствующих классов или всего общества в целом.

В противоположность такой позиции представители номиналистического подхода (в том числе юснатуралисты, Макс Вебер, Юрген Хабермас, а также иные современные теоретики) отказываются видеть в социуме реальность, обладающую бытийными свойствами, не сводимыми к взаимосвязям между индивидами и не выводимыми из них. Следовательно, общество, в том числе и в своем правовом аспекте, представляет собой поле множества индивидуальных действий²⁶, которые совершаются под влиянием побуждений, движущих свободной и автономной человеческой волей (с. 70). Согласование множества частных интересов осуществляется на договорной основе, а потому именно договор и является основным средством правовой регуляции поведения индивидов. Будучи рассмотренным под данным углом зрения, правопорядок предстает перед нами в виде системы договорных отношений разного уровня и масштаба, фундамент которой образуют наиболее общезначимые взаимные обязательства, непосредственно вытекающие из *contrat social*, как бы этот последний ни понимался²⁷.

Легко заметить, что в рецензируемой монографии автор последовательно развивает именно вторую, номиналистическую концепцию общества и правопорядка. По его небезосновательному мнению, важнейшим недостатком реалистического подхода является некритичное гипостазирование общих, зачастую абстрактных, понятий, наделяемых такими качествами, как сознание, воля, способность мыслить и т. п. Нельзя не согласиться с мнением В. Ф. Попондопуло «Способностью думать обладает только индивид. Общество не способно думать... Основное средство коммуникации — слово. Мышление связано с языком, и наоборот. Идеи воплощаются в термины. Язык является таким же инструментом мышления, как последнее является инструментом общественной деятельности» (с. 71). Думается, не будет преувеличением утверждать, что здесь автор, вслед за Л. Мизесом, проливает свет на природу саморегуляции, необходимо присущей любой человеческой деятельности.

Речь идет об опосредованности поведения (кроме, быть может, некоторых, чисто рефлекторных его разновидностей) мышлением и, следовательно, языком. Будучи семиотической (знаково-моделирующей) системой, язык не только обеспечивает передачу информации и конструирует реальность, в рамках которой взаимодействуют коммуницирующие индивиды, но, кроме того, представляет собой совокупность правил, регулирующих речевое общение, а именно построение конкретных высказываний, которыми обмениваются коммуниканты²⁸. Это двойственная природа языка, выступающего одновременно и семиотической структурой, и совокупностью правил, а вернее, семиотичность любого языкового правила позволяет естественному языку выступать архетипической моделью любого вида регуляции, включая также и правовое регулирование²⁹.

В самом деле, подобно тому, как знаково-символической природой обладают правила языка, средства правового регулирования также являются своего рода знаками. Будучи таковыми, они реализуют те же самые функции, которые являются базовыми для любых социокультурных регуляторов, а именно, во-первых, обеспечивают передачу информации в данном случае о возможном, должном и запрещенном поведении; во-вторых, конструируют правопорядок как особого рода срез социальной коммуникации; в-третьих, упорядочивают поведение субъектов права. Таким образом, человеческое поведение является саморегулирующимся процессом. Это касается любых его видов, включая поведение правовое, которое, разумеется, нуждается во внешних стимулах и ограничениях, содержащихся

²⁴ См. подробнее об этом: Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. С. 195.

²⁵ См., в частности: Дробницкий О. Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. С. 233–236.

²⁶ Руководствуясь образным выражением А. Тойнби. См.: Тойнби А. Исследование истории. В 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 361.

²⁷ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1998. С. 261.

²⁸ См. подробнее: Соломоник А. Б. Философия знаковых систем и язык. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2011.

²⁹ См.: Вильчикова Е. В., Рябова М. Ю. Эволюция теории знака в зарубежной и российской лингвистике. Вестник Читинского гос. ун-та, 2010. № 5 (62). С. 37.

в правилах, устанавливаемых или санкционируемых государством³⁰. Однако такие правила, по справедливому замечанию В. Ф. Попондопуло, выступают своего рода надстройкой, предназначенной для тех специфичных отношений, где саморегуляция в полной мере не реализует присущих ей функций (с. 92).

Речь идет, прежде всего, о публичных отношениях, строящихся на субординации участников, в число которых входят публично-правовые образования, органы власти и должностные лица. Включая такие отношения в предмет нормативного регулирования, автор вполне логично противопоставляет их отношениям частным, складывающимся между гражданами и организациями, где, в отсутствии власти и подчинения, момент саморегуляции, то есть регуляции в собственном смысле, проявляет себя со всей наглядностью. Отсюда следует вывод о существовании автономных и до известной степени противоположных друг другу режимов регулирования, а именно нормативного и правового режимов. Автор утверждает: «Правовое регулирование и нормативное регулирование — это качественно разные способы регулирования общественных отношений, что в юридической литературе обычно описывается категориями „общедозволительный режим“ и „разрешительный режим“, но, как правило, все в той же нормативной тональности» (с. 89). В. Ф. Попондопуло подчеркивает: «Сравнительная характеристика режима деятельности частных лиц и режима деятельности органов публичной власти показывает их природное различие и недопустимость смешения» (с. 91).

Представленный в монографии подход находит свое теоретическое обоснование в контексте постклассического правопонимания. Нетрудно заметить диаметрально противоположность подходов к трактовке правового регулирования, развиваемого классическими и постклассическими доктринами (с. 101). Для всех классических теорий (юснатурализма, позитивизма, социологической юриспруденции и т. п.) исходным постулатом служит тезис об объективном характере права, являющегося фактором внешним по отношению к человеку и его деятельности. Как следствие, правовое регулирование мыслится в качестве принудительного по преимуществу воздействия на поведение индивидов со стороны того или иного надындивидуального начала, выступающего носителем высшей власти. Подобная установка присуща даже естественно-правовому подходу (с. 103), в чем легко убедиться, обратившись к работам некоторых его представителей, при всех расхождениях единых в своем неприятии либеральных идей³¹.

Напротив, основная идея постклассического правопонимания состоит в том, что право есть специфический продукт человеческой деятельности, в котором реализуется естественно присущая последней способность к саморегуляции. Соответственно, индивиды, как убедительно доказывает В. Ф. Попондопуло, *сами творят для себя право*, являющееся внешней формой и мерой свободы человеческой личности. Право в таком случае выступает не инструментом внешнего принуждения, а совокупностью разнообразных средств взаимодействия членов общества, обеспечивающих достижение согласия и взаимопонимания между ними (с. 112). К числу указанных средств относятся не только нормы, но и субъективные права и обязанности участников отношений. Более того, имеются достаточные основания утверждать, что в эволюционном плане именно субъективные права и обязанности являются первичными средствами конструирования правопорядка и саморегуляции человеческого поведения.

Подобный (донормативный и вненормативный) способ регуляции базируется на обоюдном признании субъектов права³², учреждающем и легитимирующем правопорядок. Благодаря этому оказывается возможным правовое общение формально равных индивидов, самостоятельно регулирующих поведение друг друга посредством договоров и иных сделок, устанавливающих права и обязанности сторон, пользующиеся также признанием других членов общества, даже не являющихся участниками данного конкретного отношения. Именно это имеет в виду автор, когда утверждает, что «с давних времен настоящим источником права выступает не „народный дух“ (как утверждают представители исторической школы), не природная норма (как считают сторонники школы естественного права) и не законодательная норма (как считают позитивисты), а сделка (волевое действие). Одинаковые сделки повторяются, повторяется сила прецедента, складывается обычное право и законодательство» (с. 120–121).

Повторяемость, типизация юридических фактов, а также субъективных прав и обязанностей в длительной диахронной ретроспективе выступают предпосылкой формирования нормативной регуляции поведения, находящей свое применение не только в публично-правовой, но и в частноправовой сфере. Разумеется, частноправовое регулирование не может обходиться совсем без норм, однако эти последние, как показывает исследование, вбирают в себя однотипные субъективные права и обязанности и, следовательно, могут рассматриваться в качестве результата их обобщения. На применение большинства таких норм в той или иной мере оказывает влияние специфика конкретных отношений, развивающихся по нормативному сценарию постольку, поскольку их участники не договариваются об ином. Даже в современных условиях субъективные права и обязанности могут выступать в качестве основного средства регулирования, особенно в тех отношениях, которые, в силу своей новизны и уникальности

³⁰ См.: *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1994.

³¹ См., например: *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция XXI века: Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. С. 6; *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М.: Норма, 2008. С. 108, 532–534.

³² См.: *Поляков А. В.* Признание права и принцип формального равенства. Принцип формального равенства и взаимное признание права. Под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 70–85.

для соответствующего правопорядка, не получили нормативного урегулирования, примером чему могут служить отношения по поводу цифровых объектов³³.

Повторим еще раз, что подобный способ (само)регуляции делают возможным два обстоятельства, а именно: во-первых, свобода и автономия воли участников частнопровых отношений как разумных и мыслящих существ и, во-вторых, их всеобщее равенство. Иным образом дело обстоит в публично-правовых отношениях, необходимыми участниками которых являются государство и иные субъекты, выступающие в качестве носителей политической власти. Здесь, во избежание произвола и нарушений субъективных прав частных лиц, необходимо последовательное применение разрешительного (императивного) режима регулирования, запрещающего совершение любых действий, не разрешенных законом. Очевидно, что это предполагает четкую нормативную регламентацию соответствующих отношений, а также вторичность, производный характер правомочий субъектов властеотношений (с. 127).

Вместе с тем и в публично-правовой сфере выделяются отношения, где субъективные права участников являются первичными, а их нормативное регулирование — производным. Речь идет о закрепленных в Основном законе правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, являющихся при всей их юридической специфике такими же субъективными правами и обязанностями, как и те, что существуют в частнопрововой сфере. Хотя в юридической литературе ведутся дискуссии о том, зависит ли существование конституционных прав и свобод от их признания со стороны государства и закрепления в нормах конституционного права³⁴, необходимо, на наш взгляд, признать правоту авторов, полагающих, что «естественные» права и свободы, образующие ядро конституционно-правового статуса личности, неотделимы от самой этой последней.

Следовательно, как в исторической ретроспективе, так и в структуре современных правопорядков они предшествуют нормативному регулированию, определяя его стратегию и общую направленность³⁵, что находит свое подтверждение в ст. 2 Конституции Российской Федерации 1993 г.³⁶ Таким образом, предложенная в монографии В. Ф. Попондопуло концепция правового саморегулирования (частным случаем которого является и регулирование нормативное) не только вносит значительный вклад в познание его сущности, но способствует четкому теоретическому обоснованию критериев разграничения частного и публичного права. Как убедительно доказывает автор, важное место среди этих критериев занимает дихотомия методов регулирования, а именно диспозитивного, выступающего основой частнопровового саморегулирования, и императивного, на котором строится регулирование публично-правовое.

К сожалению, в современном российском правопорядке это разграничение выдерживается далеко не всегда: всё чаще приходится наблюдать активную экспансию публично-правовых (нормативных) начал в область частнопровового саморегулирования. Причем данный процесс стимулируется на уровне не только законодательства, но и судебной практики (в том числе решениями Конституционного и Верховного судов Российской Федерации). Есть все основания согласиться с опасениями, высказываемыми В. Ф. Попондопуло, что такая тенденция способна разрушить внутреннюю дифференциацию системы российского права и, как следствие, подорвать устойчивость отечественного правопорядка.

4. Правосубъектность и субъективные права в структуре правовой реальности

Как уже было отмечено ранее, особый интерес в монографии В. Ф. Попондопуло представляет содержащаяся в ней попытка подробного исследования системы субъективных прав и обязанностей, образующей структуру правопорядка и коррелирующей системе правовых норм. И подобно тому, как на нормативном уровне проявляется дуализм частного и публичного права, правопорядок в целом характеризуется, по мысли автора, дуализмом регулирования, предполагающим деление на саморегулирование, осуществляемое посредством субъективных прав, и регулирование нормативное (с. 268). При этом нормативное регулирование основано на законе и иных формах публично-властной деятельности государства, в то время как единственным необходимым основанием правового саморегулирования выступает правосубъектность самих участников регулируемых отношений.

Как показывает В. Ф. Попондопуло, именно этот дуализм регулирования выступает важнейшим признаком системной организации правопорядка, проявляющимся во всех его аспектах. Игнорирование указанного обстоятельства не только научно необоснованно, но и бесполезно и с практической точки зрения приводит, по мысли ученого, лишь к появлению различного рода «частно-публичных химер» (с. 270), подобных публичным юридическим лицам, административным договорам, публично-правовым обязательствам, публично-частным партнер-

³³ См.: *Разуваев Н. В.* Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 1 (7). С. 23–25.

³⁴ См. подробнее: *Глухарева Л. И.* Права человека в современном мире (социально-философское и государственно-правовое регулирование). М.: Юрист, 2003.

³⁵ См.: *Луковская Д. И.* Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека. Правоведение, 2009. № 2 (283). С. 97–100.

³⁶ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе всенародного голосования 01.01.2020. СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

ствам и т. п. Нет особой необходимости лишней раз обращаться к тем бесплодным дискуссиям, которые ведутся в литературе вокруг указанных понятий, ни на шаг не приближая юристов к раскрытию их сути³⁷. Представляется, что сам факт появления подобных институтов служит свидетельством той энергичной экспансии публично-правовых, нормативных конструкций в сферу частного права, о которой ранее уже шла речь. На наш взгляд, примечательная особенность рассматриваемых явлений состоит в том, что, получив нормативное закрепление, они не приводят к появлению субъективных прав и обязанностей, необходимых для реализации соответствующих институтов.

Таким образом, любые вновь возникающие нормативные образования должны адекватно воспроизводиться в структуре правоспособности участников регулируемых отношений. Это, в свою очередь, означает, что именно правосубъектность физических лиц, организаций и публично-правовых образований выступает отправной точкой в процессе регулирования человеческой деятельности, требуя к себе повышенного внимания также и со стороны науки. Вот почему в своей монографии В. Ф. Попондопуло не обходит стороной данную проблему. При этом ученый последовательно развивает так называемую меновую теорию правосубъектности, в соответствии с которой субъективные права и обязанности, образующие структуру правосубъектности, принадлежат членам общества как субъектам экономической деятельности и участникам товарообмена.

Автор утверждает: «Будучи товаровладельцем, человек является „правовладельцем“, то есть субъектом права. <...> Правосубъектность — это правовая характеристика личности человека, присущее ему качество, сопровождающее его всю жизнь, от рождения до смерти» (с. 271). Трудно не согласиться с выводом ученого, что правосубъектность не зависит от закона, а следовательно, признание либо непризнание индивидов правосубъектными не влияют на данное качество, равно как и на возможность обладать субъективными правами и обязанностями. Попытки поставить правосубъектность в зависимость от позитивно-правовых норм способны создать серьезные проблемы для правоприменительной практики, многие из которых порождаются самим же законодателем. Яркой иллюстрацией данного тезиса служит, на наш взгляд, норма п. 3 ст. 22 ГК РФ, в соответствии с которой полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом³⁸.

Иными словами, если следовать буквальному смыслу рассматриваемой статьи, нормативное признание способно легитимировать любые действия, включая отказ от правосубъектности и превращение лица в вещь. Едва ли в условиях современного правопорядка, краеугольным камнем которого выступает равное признание статуса субъектов права за всеми людьми, объективно возможно совершение сделок, направленных на полный отказ от правоспособности, даже в том гипотетическом (и абсолютно невероятном) случае, когда закон подобные сделки допускает. Логичнее предположить, что перед нами лишенная какого-либо смысла оговорка, подобная той, что была включена в одну из прежних редакций ст. 61 ГК РФ, определявшую ликвидацию юридического лица как его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам, кроме случаев, предусмотренных законом.

Вместе с тем, вполне разделяя позицию В. Ф. Попондопуло в вопросе о природе правосубъектности, едва ли возможно признать правильной чисто меновую ее дефиницию. В самом деле, ошибочно ставить возможность обладания субъективными правами и обязанности в зависимость от ее нормативного признания, но не менее ошибочно выводить такую возможность из обладания экономическими благами и ценностями. Нам значительно ближе антрополого-коммуникативное понимание категории правосубъектности, развиваемое в работах А. В. Полякова, а также других представителей постклассического правопонимания, к числу которых В. Ф. Попондопуло не без веских на то оснований причисляет и себя. В рамках данного понимания правосубъектность определяется как феномен, существенные свойства которого формируются под определяющим воздействием социокультурных и антропологических констант, присущих человеческому сообществу на том или ином этапе его эволюции³⁹.

Человек обладает важнейшим свойством, максимально полно раскрывающим его природу и определяющим особое положение во Вселенной⁴⁰, а именно способностью к общению, позволяющей индивиду участвовать в различных видах коммуникации, включая коммуникацию правовую и политическую. В процессе общения индивиды не

³⁷ См., в частности: *Болдырев В. А.* О «юридических лицах» публичного права. Журнал российского права, 2008. № 11 (143). С. 134; *Омелехина Н. В.* Теоретические проблемы определения обязательств в финансовой деятельности публично-правовых образований. Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право, 2011. Т. 7. № 1. С. 56–57; *Раздьяконова Е. В.* Проблемы правоприменения законодательства о публично-частном партнерстве. Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право, 2013. Т. 9. № 2. С. 67; *Старилов Ю. Н., Давыдов К. В.* Административный договор: к общей характеристике правового феномена. Юридические записки, 2013. № 3 (26). С. 100–101 и др.

³⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. В ред. Федерального закона № 430-ФЗ от 21.12.2021. СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. 2021. № 52. Ч. 1. Ст. 8989.

³⁹ См.: *Поляков А. В.* Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека. Коммуникативное правопонимание: избр. труды. С. 39–41.

⁴⁰ См. подробнее: *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 251 и след.

только обмениваются информацией, но и конструируют реальность, причем специфика такого конструирования состоит в том, что исходной его предпосылкой выступает самоконституирование индивида⁴¹ в качестве лица, обладающего различными способностями, в том числе способностью обладать субъективными правами и обязанностями. Последние, как уже было отмечено, служат теми знаковыми средствами, при помощи которых субъекты конструируют правопорядок. Следовательно, товары и иные экономические блага входят в структуру правопорядка лишь в виде специфически правовых феноменов, а именно *объектов прав* (ст. 128 ГК РФ), то есть конструктов, созданных юридически релевантными способами.

Таким образом, рассмотренные категории образуют четкую терминологическую последовательность, которую схематически можно изобразить следующим образом: «человек → правосубъектность → субъективные права и обязанности → объекты прав». В этой последовательности правосубъектность занимает место первичное и исходное, а экономические блага (в виде объектов прав) — вторичное и производное. Способность к обладанию субъективными правами делает принципиально возможным товарообмен, воплощенный в динамике обязательственных отношений, куплю-продажу и иные сделки, а также все многообразие связей, образующих структуру правовой реальности, в том числе регулятивных (с. 323) и охранительных обязательств (с. 326). В свете сказанного можно поспорить с трактовкой правосубъектности как особого рода «права на право», развиваемой В. Ф. Попондопуло (с. 272). Ведь всякое субъективное право имеет сугубо конкретный характер, возникая, изменяясь и прекращаясь в рамках юридически релевантных социальных отношений (правоотношений), в процессе их позитивной либо негативной динамики.

Иными словами, в качестве знаковых средств конструирования текстуального пространства права субъективные права и обязанности всегда существуют в диалоге участников правовой коммуникации⁴², выступая своеобразными «репликами» коммуницирующих индивидов, семантически соотносенными с конкретными юридическими фактами, которые определяют план содержания этих высказываний. Подобные факты, или, пользуясь терминологией А. В. Стовбы, «правовые происшествия», обладают онтологическими характеристиками, такими как обстоятельства места, времени, образа действия и т. п., позволяющими видеть в них уникальные и единичные ситуации, совокупность которых образует «фактический субстрат» правовой реальности⁴³. Будучи результатом типизации этого фактического многообразия, субъективные права и обязанности обладают релевантностью для множества сходных жизненных обстоятельств, но всегда так или иначе они существуют в тесной взаимосвязи с конкретными юридическими фактами.

Наглядной иллюстрацией сказанного служит такое субъективное право, как право собственности (ст. 209 ГК РФ), которое обладает ярко выраженной семиотической структурой, включающей в себя два типа коммуникативных отношений, а именно отношение субъекта к объекту, состоящее в волевом господстве над ним, и отношение между субъектами по поводу объекта. Суть последнего типа отношения состоит в удовлетворении и юридической защите хозяйственного интереса собственника. В специальной литературе уже давно было доказано, что конституирующими признаками, вытекающими из дефиниции права собственности, следует считать как волю собственника, так и юридически защищенный хозяйственный интерес последнего⁴⁴. Универсальность указанных признаков обуславливает релевантность собственности как субъективного права в любых фактических контекстах. Тем не менее последние оказывают существенное влияние на реализацию правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, составляющих содержание права собственности, то есть на специфику правовых режимов объектов соответствующего права, различающихся в зависимости от того, идет ли речь о праве собственности на недвижимость или движимые вещи, общей долевой или общей совместной собственности и т. п.

Непосредственную связь права собственности (равно как и любого иного субъективного гражданского права) с фактическими основаниями его возникновения убедительно обосновывает и В. Ф. Попондопуло, по словам которого, «право <...> возникает не из чьей-либо внешней по отношению к частному лицу воли (законодателя или суда), а из его собственной воли, отражающей его правомерные интересы, то есть интересы, не нарушающие интересов других лиц. Это дает основания для того, чтобы подвергнуть сомнению утверждение о том, что вещные права могут создаваться только законом, исчерпывающе определяющим как их перечень, так и содержание каждого права» (с. 296–297)⁴⁵. В противоположность субъективному праву, обладающему свойством *фактичности*,

⁴¹ Видимо, есть основания согласиться с некоторыми учеными, полагающими, что истоки подобного самоконституирования коренятся в биологической природе человека как живого существа. См.: Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

⁴² См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: ИД «Алеф-пресс», 2021. С. 13–14.

⁴³ См.: Стомба А. В. Динамическое правопонимание: попытка исторической экспликации. Труды Института государства и права Российской академии наук, 2020. Т. 15. № 3. С. 50.

⁴⁴ См. подробнее: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. Избр. труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. М.: Статут, 2004. С. 39–41.

⁴⁵ Руководствуясь общетеоретическими представлениями, сформулированными в монографии, В. Ф. Попондопуло убедительно доказывает научную несостоятельность догматического противопоставления «права» и «факта», впервые появившегося еще в работах германских и русских цивилистов конца XIX — начала XX вв. (см., в частности: Покровский И. А. Право и факт в римском праве. Ч. 2. Генезис преторского права. Киев: Тип. имп. Ун-та св. Владимира, 1902; Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 314–315 и др.). По мнению автора, например, право из добросовестного фактического владения имуществом (*possessio*) входит в систему субъективных вещных прав и нуждается в по-сessorной защите, хотя бы оно даже не пользовалось законодательным закреплением в качестве вещного права. Как утверждает

правоспособность как элемент правосубъектности⁴⁶ характеризуется *общезначимостью*⁴⁷ постольку, поскольку она не является ни неким «правом на право», ни совокупностью субъективных прав и обязанностей, но лишь *абстрактной возможностью* такими правами и обязанностями обладать.

Вот почему правоспособность (равно как и правосубъектность, в содержание которой она входит) является статичной, поскольку ее наличие и объем не зависят от принадлежащих лицу субъективных прав и обязанностей, а также от того обстоятельства, является ли данное лицо участником каких-либо правоотношений или нет (с. 273). Более того, рискуем предположить, что правосубъектность в основе своей, по самой своей природе, не зависит также и от признания со стороны государства, а потому обладает свойством неотъемлемости и неотчуждаемости, поскольку никто не может быть лишен правосубъектности или ограничен в ней. Это связано с тем, что правосубъектность, в силу своей антрополого-коммуникативной сущности, выступает непосредственной предпосылкой участия индивидов в правовой коммуникации. Между тем никто не может быть лишен возможности такого участия, подобно тому, как ни один разумный человек, обладающий даром речи, не может быть лишен возможности говорить.

Право на участие в коммуникации, на наш взгляд, выступает одним из наиболее базовых и естественных прав личности, непосредственно вытекающих из наличия у человека способности быть субъектом права. Современный правопорядок включает в себя множество самых разнообразных коммуникативных отношений, связывающих между собой не только частных физических и юридических лиц, но также государство и иных носителей публичной политической власти (с. 429). Эти отношения незримыми нитями пронизывают любые аспекты и виды человеческой деятельности, а потому не будет преувеличением утверждать, что право на участие в коммуникации, о котором идет речь, выступает фундаментом всей системы субъективных прав — как частных, так и публичных.

5. Заключение

Хотелось бы подчеркнуть, что настоящий очерк, с неизбежностью краткий и фрагментарный, не имеет своей целью дать хоть сколько-нибудь подробный и всесторонний обзор идей, содержащихся в интереснейшем исследовании В. Ф. Попондопуло. Такая неполнота вполне объяснима: ведь для того, чтобы в одной рецензии рассмотреть все детали авторской мысли, потребовалось бы, наверное, написать книгу, по объему не уступающую рецензируемому сочинению. Вот почему мы постарались сосредоточиться только на тех выводах, которые показались особенно интересными и с особой яркостью характеризующими как правопонимание, развиваемое В. Ф. Попондопуло, так и состояние отечественной правовой науки.

Подводя же итог всему ранее сказанному, мы можем прийти к следующим выводам. Как было продемонстрировано выше, отраслевые юридические науки, в том числе наука гражданского права, в настоящее время переживают состояние, которое может быть охарактеризовано как кризис теоретико-методологических оснований соответствующих отраслевых дисциплин. Причина этого состоит, на наш взгляд, в том, что, в отличие от общей теории права, для которой утрата марксизмом-ленинизмом господствующих позиций послужила стимулом для весьма плодотворного поиска нового правопонимания, отраслевые юридические науки во многом продолжают руководствоваться прежними теоретическими установками, прежде всего узко нормативным пониманием своего предмета и методологии. Попытки ученых сформулировать альтернативу марксистско-ленинской парадигме нередко сводятся к реставрации во многом утративших свою актуальность позитивистских доктрин середины XIX столетия (подобных уже упоминавшейся «юриспруденции понятий» или теории императивов Дж. Остина, А. Тона и др.), что, как несложно понять, отнюдь не способствует преодолению кризисных тенденций в отраслевых юридических теориях.

При этом в идеале новое правопонимание должно быть единым для всех юридических наук, поскольку единым является и предмет их познания, а именно право, обладающее, при всех отраслевых особенностях, единым понятием, признаками и сущностью. Признание указанного обстоятельства, в противовес искусственному разделению и противопоставлению отдельных отраслей права и юридических наук, представляет собой важный шаг на пути построения единого интегративного правопонимания. Другим требованием, которому должно соответствовать правопонимание, имеющее научные перспективы, является соответствие общим тенденциям развития социально-гуманитарного познания в целом, «встроенность» в те идейные процессы, которыми оно на сегодняшний день характеризуется.

Как было показано в настоящей работе, важнейшими из таких тенденций следует считать конструктивистский подход, признание человеческого общества и всех его специализированных подсистем, включая подсистему правовую в качестве единой саморазвивающейся системы, а также логически вытекающий из этих предпосылок эволюционизм, в основе которого лежит признание всех социальных процессов взаимосвязанными проявлениями саморазвития общества в диахронной ретроспективе. Представляется, что концепция, развернуто и всесторонне изложенная в монографии В. Ф. Попондопуло, в полной мере отвечает указанным требованиям, что является

В. Ф. Попондопуло, подобный вывод логически следует из того обстоятельства, что «право возникает не из закона, а из целенаправленных заинтересованных действий человека, признаваемых другими лицами» (с. 295).

⁴⁷ О философском и юридическом значении категорий фактичности и (обще)значимости см. подробнее: *Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Fr. a. Main: Suhrkamp, 1992.

залогом ее научной продуктивности. Основная идея ученого состоит в том, что право является одним из аспектов человеческой деятельности, обладающих всеми свойствами, присущими этой последней, включая способность к саморегулированию.

Именно в этом, то есть в общественном саморегулировании, видит автор суть правового регулирования, первичными и наиболее важными средствами которого выступают субъективные права и обязанности, принадлежащие индивидам как существам, обладающим свободной волей, способностью к коммуникации и имущественной автономией. Отсюда следует вывод о том, что регулированием в собственном смысле данного понятия является саморегулирование, со всей полнотой проявляющее себя в частноправовой сфере. С данным выводом трудно не согласиться, ведь именно в частном праве основаниями возникновения, изменения и прекращения большинства складывающихся отношений являются свободные договоры между субъектами хозяйственной деятельности, а сами отношения строятся на принципе равенства участников, отсутствии власти одних и подчинения других субъектов. Повторим еще раз, что в подобных условиях саморегулируемость правопорядка проявляет себя со всей наглядностью и становится практически идеальным объектом, чьи закономерности могут быть сформулированы буквально с математической точностью.

Что касается публичного права, предмет которого составляют властеотношения, его регулятивные свойства, по мнению автора, имеют принципиально иной характер. Необходимым звеном механизма публично-правового регулирования является норма, установленная или санкционированная государством и обеспеченная средствами государственного принуждения на случай неисполнения либо ненадлежащего исполнения адресатами. Публично-правовое (нормативное) регулирование автор противопоставляет частноправовому саморегулированию, усматривая в этом проявление дуализма, характеризующего правопорядок. Впрочем, нам представляется, что подобное противопоставление имеет значение лишь в современных условиях, ведь долгое время (а именно в Древнем мире и в Средние века) правопорядки характеризовались как неразвитостью нормативной составляющей, так и безусловным доминированием частноправового начала. Причем частное право имело своим предметом как отношения, строящиеся на принципе равенства, так и отношения власти и подчинения, в чем легко убедиться на примере римского частного права.

Это, разумеется, не единственное возражение, которое может быть высказано применительно к концепции В. Ф. Попондопуло. Важно, однако, другое. Как и любая новая, оригинальная и, с научной точки зрения, весьма перспективная теория, правопонимание, предложенное автором, не свободно от дискуссионных положений. Тем не менее эти положения не только не умаляют очевидных достоинств рецензируемой монографии, но и стимулируют творческий поиск, открывающий для юриспруденции новые пути и горизонты познания, в чем, возможно, состоит одна из приоритетных задач, стоящих перед любым исследователем.

Литература

1. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит, 1966. 177 с.
2. *Асканазий С. И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. 856 с.
3. *Барон Ю.* Система римского гражданского права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 1102 с.
4. *Болдырев В. А.* О «юридических лицах» публичного права. Журнал российского права, 2008. № 11 (143). С. 127–134.
5. *Будилов В. М.* Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода»). Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Право, 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 4–23.
6. *Василевская Л. Ю.* К вопросу о предмете юридической науки. Российский юридический журнал, 2017. № 1 (112). С. 34–39.
7. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 448 с.
8. *Венедиктов А. В.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. М.: Статут, 2004. 557 с.
9. *Вильчикова Е. В., Рябова М. Ю.* Эволюция теории знака в зарубежной и российской лингвистике. Вестник Читинского гос. ун-та, 2010. № 5 (62). С. 33–38.
10. *Глухарева Л. И.* Права человека в современном мире (социально-философское и государственно-правовое регулирование). М.: Юристъ, 2003. 303 с.
11. *Гонгало Б. М.* Российская наука гражданского права: исторический, предметный и академический аспекты, 2020. № 6 (135). С. 94–104.
12. *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики.* Под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. 993 с.
13. *Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б.* О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении. Правоведение, 2006. № 5. С. 4–22.

14. *Денисов Ю. А.*, Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука, 1987. 207 с.
15. *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М.: Наука, 1974. 388 с.
16. *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция XXI века: взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. 399 с.
17. *Кипп Т.* История источников римского права. СПб.: Тип. Первой СПб трудовой артели, 1908. 156 с.
18. *Козлихин И. Ю.* О нетрадиционных подходах к праву. Правоведение, 2006. № 1. С. 31–40.
19. *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка. Изд. 2-е, стереотип. М.: Комкнига, 2005. 176 с.
20. *Луковская Д. И.* Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека. Правоведение, 2009. № 2 (283). С. 97–100.
21. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1994. 184 с.
22. *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М.: Норма, 2008. 552 с.
23. *Матурана У. Р., Варела Ф. Х.* Дерево познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
24. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.
25. *Омелехина Н. В.* Теоретические проблемы определения обязательств в финансовой деятельности публично-правовых образований. Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право, 2011. Т. 7. № 1. С. 52–60.
26. *Пашуканис Е. Б.* Избр. произведения по общей теории права и государства. М.: Юрид. лит., 1980. 271 с.
27. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.
28. *Покровский И. А.* Право и факт в римском праве. Ч. 2. Генезис преторского права. Киев: Тип. имп. Ун-та св. Владимира, 1902. 209 с.
29. *Поляков А. В.* Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. 575 с.
30. *Поляков А. В.* Признание права и принцип формального равенства. Принцип формального равенства и взаимное признание права. Под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 70–85.
31. *Попондопуло В. Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 112 с.
32. *Попондопуло В. Ф.* Дуализм регулирования общественных отношений (правовое и нормативное регулирование). Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 3. С. 7–16.
33. *Попондопуло В. Ф.* О нормативном режиме деятельности частных лиц. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2020. № 4. С. 31–38.
34. *Попондопуло В. Ф.* Правовой режим предпринимательства. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
35. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: «Прогресс», 1983. 605 с.
36. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
37. *Раздьяконова Е. В.* Проблемы правоприменения законодательства о публично-частном партнерстве. Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право, 2013. Т. 9. № 2. С. 61–68.
38. *Разуваев Н. В.* Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 1 (7). С. 18–38.
39. *Разуваев Н. В.* Эволюция социальной реальности и рост научного знания. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, 2019. Т. 10. № 1 (38). С. 32–43.
40. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1998. 416 с.
41. *Соломоник А. Б.* Философия знаковых систем и язык. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2011. 408 с.
42. *Старилов Ю. Н., Давыдов К. В.* Административный договор: к общей характеристике правового феномена. Юридические записки, 2013. № 3 (26). С. 95–102.
43. *Стовба А. В.* Динамическое правопонимание: попытка исторической экспликации. Труды Института государства и права Российской академии наук, 2020. Т. 15. № 3. С. 47–60.
44. *Тойнби А.* Исследование истории. В 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2006. 446 с.
45. *Третьяков С. В.* Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права. Вестник гражданского права, 2020. Т. 20. № 3. С. 9–42.
46. *Филиппова С. Ю.* Концепция науки гражданского права как объекта цивилистического исследования. Образование и право, 2017. № 4. С. 158–163.
47. *Харт Г. Л. А.* Небеса понятий Р. Йеринга и современная аналитическая юриспруденция. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2021. № 63. С. 247–257.
48. *Хеффе О.* Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. 319 с.
49. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб.: ИД «Алеф-пресс», 2021. 650 с.

50. *Честнов И. Л.* Универсальное/контекстуальное в нормировании правом свободы. Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки, 2016. № 2. С. 9–19.
51. *Явич Л. С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. 172 с.
52. *Якимович Ю. К.* О возможности достижения объективной истины в современном уголовном судопроизводстве. Уголовная юстиция, 2014. № 1 (3). С. 69–73.
53. *Habermas, J.* Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Fr. a. Main: Suhrkamp, 1992. 667 S.
54. *Haferkamp, H.-P.* Georg Friedrich Puchta und die "Begriffsjurisprudenz" Fr. a. M.: V. Klostermann, 2004. XVIII + 534 S.
55. *Jhering, R.* von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 2. Abt. 2. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1858. XX + 696 S.
56. *Popper, K.* Evolutionary Epistemology. Evolutionary Theory: Paths into the Future. Ed. by J. W. Pollard. New York: John Wiley & Sons, 1984. S. 239–255.
57. *Shannon, C. E.* A Mathematical Theory of Communication. The Bell System Technical Journal, 1948. Vol. 27. P. 379–423.

References

1. Alekseev, S. S. The mechanism of legal regulation in the socialist state [Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve]. M.: Yurid. lit., 1966. 177 p. (In rus.)
2. Askanzhiy, S. I. Basic questions of the theory of socialist civil law [Osnovnye voprosy teorii sotsialisticheskogo grazhdanskogo prava]. M.: Statut, 2008. 856 p. (In rus.)
3. Baron, Yu. The system of Roman civil law [Sistema rimskogo grazhdanskogo prava]. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press" [Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskii tsentr PresS"], 2005. 1102 p. (In rus.)
4. Boldyrev, V. A. On the "legal entities" of public law. Journal of Russian law [O "yuridicheskikh litsakh" publ'nogo prava], 2008. No. 11 (143). P. 127–134. (In rus.)
5. Budilov, V. M. General Theory of Law in an Integral Context: Continuation of the Dialogue (towards the release of the second edition of A. V. Polyakov's textbook "The General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of a Communicative Approach") [Obshchaya teoriya prava v integral'nom kontekste: prodolzhenie dialoga (k vykhodu vtorogo izdaniya uchebnika A. V. Polyakova "Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda")]. Bulletin of St. Petersburg University. Ser.: Right [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Pravo], 2017. Vol. 8. Issue. 1. P. 4–23. (In rus.)
6. Vasilevskaya, L. Yu. On the subject of legal science [K voprosu o predmete yuridicheskoi nauki]. Russian Journal of Law [Rossiiskii yuridicheskii zhurnal], 2017. No. 1 (112). P. 34–39. (In rus.)
7. Weber, M. Economy and society: essays on understanding sociology. T. I. Sociology [Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. T. I. Sotsiologiya]. M.: Ed. House of the Higher School of Economics [Izd. dom Vysshei shkoly ehkonomiki], 2016. 448 p. (In rus.)
8. Venediktov, A. V. Selected works on civil law. In 2 vols. T. II [Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t. T. II]. M.: Statut, 2004. 557 p. (In rus.)
9. Vilchikova, E. V., Ryabova, M. Yu. The evolution of the theory of the sign in foreign and Russian linguistics [Ehvolutsiya teorii znaka v zarubezhnoi i rossiiskoi lingvistike]. Bulletin of the Chita State University [Vestnik Chitinskogo gos. un-ta], 2010. No. 5 (62). P. 33–38. (In rus.)
10. Glukhareva, L. I. Human rights in the modern world (social-philosophical and state-legal regulation) [Prava cheloveka v sovremennom mire (sotsial'no-filosofskoe i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie)]. M.: Yurist, 2003. 303 p. (In rus.)
11. Gongalo, B. M. Russian science of civil law: historical, subject and academic aspects [Rossiiskaya nauka grazhdanskogo prava: istoricheskii, predmetnyi i akademicheskii aspekty], 2020. No. 6 (135). P. 94–104. (In rus.)
12. Civil law: actual problems of theory and practice [Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki]. Ed. V. A. Belova. M.: Yurayt-Izdat [Yurait-Izdat], 2007. 993 p. (In rus.)
13. Grevtsov, Yu. I., Khokhlov, E. B. About legal and dogmatic chimeras in modern Russian jurisprudence [O yuridiko-dogmaticallykh khimerakh v sovremennom rossiiskom pravovedenii]. Jurisprudence [Pravovedenie], 2006. No. 5. P. 4–22. (In rus.)
14. Denisov, Yu. A., Spiridonov, L. I. Abstract and concrete in Soviet jurisprudence [Abstraktnoe i konkretное v sovetskom pravovedenii]. L.: Science [Nauka], 1987. 207 p. (In rus.)
15. Drobnitsky, O. G. The concept of morality [Ponyatie morali]. M.: Science [Nauka], 1974. 388 p. (In rus.)
16. Zorkin, V. D. Russia and the Constitution of the 21st century: A view from Ilyinka [Rossiya i Konstitutsiya XXI veka: vzglyad s Ilyinki]. M.: Norma, 2007. 399 p. (In rus.)
17. Kipp, T. History of the sources of Roman law [Istoriya istochnikov rimskogo prava]. SPb.: Publishing House of the First St. Petersburg Labor Artel [Tipografiya Pervoi SPb trudovoi arteli], 1908. 156 p. (In rus.)

18. Kozlikhin, I. Yu. On non-traditional approaches to law [O netraditsionnykh podkhodakh k pravu]. Jurisprudence [Pravovedenie], 2006. No. 1. P. 31–40. (In rus.)
19. Kolshansky, G. V. Communicative function and structure of the language [Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka]. Ed. 2nd, stereotype. M.: Komkniga, 2005. 176 p. (In rus.)
20. Lukovskaya, D. I. The Constitution of the Russian Federation and modern concepts of human rights [Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i sovremennye kontseptsii prav cheloveka]. Jurisprudence [Pravovedenie], 2009. No. 2 (283). P. 97–100. (In rus.)
21. Malko, A. V. Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect [Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt]. Saratov: Saratovsk University Publishing House [Izd-vo Saratovsk. un-ta], 1994. 184 p. (In rus.)
22. Maltsev, G. V. Moral foundations of law [Nrvstvennye osnovaniya prava]. M.: Norma, 2008. 552 p. (In rus.)
23. Maturana, W. R., Varela, F. H. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding [Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya]. M.: Progress-Tradition [Progress-Traditsiya], 2001. 224 p. (In rus.)
24. Mizes, L. Human activity: a treatise on economic theory [Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat ob ehkonomicheskoi teorii]. Chelyabinsk: Sotsium, 2005. 878 p. (In rus.)
25. Omelehina, N. V. Theoretical problems of determining obligations in the financial activities of public legal entities [Teoreticheskie problemy opredeleniya obyazatel'stv v finansovoi deyatel'nosti publichno-pravovykh obrazovani]. Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: Right [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo], 2011. T. 7. No. 1. P. 52–60. (In rus.)
26. Pashukanis, E. B. Selected works on the general theory of law and state x Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva. M.: Yurid. lit., 1980. 271 p. (In rus.)
27. Plesner, H. Stages of the organic and man: Introduction to philosophical anthropology [Stupeni organicheskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) [Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN)], 2004. 368 p. (In rus.)
28. Pokrovsky, I. A. Law and fact in Roman law. Part 2. Genesis of Praetor Law [Pravo i fakt v rimskom prave. Ch. 2. Genezis pretorskogo prava]. Kiev: Printing house of the Imperial University of St. Vladimir [Tipografiya imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira], 1902. 209 p. (In rus.)
29. Polyakov, A. V. Communicative legal understanding: Selected works [Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbrannye trudy]. St. Petersburg: LLC Publishing House "Alef-Press" [Izdatel'skii Dom „Alef-Press“], 2014. 575 p. (In rus.)
30. Polyakov, A. V. Recognition of law and the principle of formal equality. The principle of formal equality and mutual recognition of law [Priznanie prava i printsip formal'nogo ravenstva. Printsip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava]. Ed. V. V. Lapaeva, A. V. Polyakova, V. V. Denisenko. Moscow: Prospekt, 2016. P. 70–85. (In rus.)
31. Popondopulo, V. F. Dynamics of legal relationship and civil liability [Dinamika obyazatel'stvennogo pravootnosheniya i grazhdansko-pravovaya otvetstvennost']. Vladivostok: Dalnevostochny University Publishing House [Izd-vo Dal'nevost. un-ta], 1985. 112 p. (In rus.)
32. Popondopulo, V. F. Dualism of public relations regulation (legal and regulatory regulation). Theoretical and Applied Law, 2021. No. 3 (7). P. 7–16. (In rus.)
33. Popondopulo, V. F. On the Regulatory Regime of Private Individuals. Theoretical and Applied Law, 2020. No. 4 (6). P. 31–38. (In rus.)
34. Popondopulo, V. F. Legal regime of entrepreneurship [Pravovoi rezhim predprinimatel'stva]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1994. 208 p. (in Rus)
35. Popper, K. Logic and growth of scientific knowledge. Selected works [Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty]. Moscow: Progress, 1983. 605 p. (In rus.)
36. Popper, K. Open society and its enemies. T. 2. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles [Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly]. Moscow: Phoenix, Intern. Fund "Cultural Initiative" [Feniks, Mezhdunar. fond "Kul'turnaya initsiativa"], 1992. 528 p. (In rus.)
37. Razdyakonova, E. V. Problems of law enforcement of legislation on public-private partnership [Problemy pravoprimeniya zakonodatel'stva o publichno-chastnom partnerstve]. Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: Right [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo], 2013. V. 9. No. 2. P. 61–68. (In rus.)
38. Razuvaev, N. V. Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects. Theoretical and Applied Law, 2021. No. 1 (7). P. 18–38. (In rus.)
39. Razuvaev, N. V. The evolution of social reality and the growth of scientific knowledge [Ehvolyutsiya sotsial'noi real'nosti i rost nauchnogo znaniya]. Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPa [Ehvolyutsiya sotsial'noi real'nosti i rost nauchnogo znaniya], 2019. Vol. 10. No. 1 (38). P. 32–43. (In rus.)
40. Rousseau, J.-J. On the social contract. Treatises [Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty]. M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo field [Kanon-Press-TS; Kuchkovo pole], 1998. 416 p. (In rus.)
41. Solomonik, A. B. Philosophy of sign systems and language [Filosofiya znakovykh sistem i yazyk]. Ed. 3rd. M.: LKI, 2011. 408 p. (In rus.)

42. Starilov, Yu. N., Davydov, K. V. Administrative contract: to the general characteristics of the legal phenomenon [Administrativnyi dogovor: k obshchei kharakteristike pravovogo fenomena]. Legal Notes [Yuridicheskie zapiski], 2013. No. 3 (26). P. 95–102. (In rus.)
43. Stovba, A. V. Dynamic legal understanding: an attempt at historical explication [Dinamicheskoe pravoponimanie: popytka istoricheskoi ehksplikatsii]. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences [Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk], 2020. Vol. 15. No. 3. P. 47–60. (In rus.)
44. Toynbee, A. The study of history [Issledovanie istorii]. In 3 vol. T. 2. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University; Publishing house of Oleg Abyshko [Izd-vo SPBGU; Izd-vo Olega Abyshko], 2006. 446 p. (In rus.)
45. Tretyakov, S. V. Subjective private law and "jurisprudence of concepts": culmination and crisis of the volitional theory of subjective law [Sub'ektivnoe chastnoe pravo i "yurisprudentsiya ponyatii": kul'minatsiya i krizis volevoi teorii sub'ektivnogo prava]. Bulletin of Civil Law [Vestnik grazhdanskogo prava], 2020. Vol. 20. No. 3. P. 9–42. (In rus.)
46. Filippova, S. Yu. The concept of the science of civil law as an object of civil law research [Kontseptsiya nauki grazhdanskogo prava kak ob'ekta tsivilisticheskogo issledovaniya]. Education and Law [Obrazovanie i pravo], 2017. No. 4. P. 158–163. (In rus.)
47. Hart, G. L. A. The skies of R. Yering's concepts and modern analytical jurisprudence [Nebesa ponyatii R. Ieringa i sovremennaya analiticheskaya yurisprudentsiya]. Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya], 2021. No. 63. P. 247–257. (In rus.)
48. Heffe, O. Politics. Right. Justice. Fundamentals of critical philosophy of law and state [Politika. Pravo. Spravedlivost'. Osnovopolozheniya kriticheskoi filosofii prava i gosudarstva]. M.: Gnosis, 1994. 319 p. (In rus.)
49. Chestnov, I. L. Postclassical theory of law [Postklassicheskaya teoriya prava]. St. Petersburg: Alef-press publishing house [ID «Alef-press»], 2021. 650 p. (In rus.)
50. Chestnov, I. L. Universal/contextual in the regulation of the right of freedom [Universal'noe/kontekstual'noe v normirovanii pravom svobody]. Vestnik RUDN University. Ser.: Juridical sciences [Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki.], 2016. No. 2. P. 9–19. (In rus.)
51. Yavich, L. S. Problems of legal regulation of Soviet public relations [Problemy pravovogo regulirovaniya sovetskikh obshchestvennykh otnoshenii]. M.: Gosjurizdat, 1961. 172 p. (In rus.)
52. Yakimovich, Yu. K. On the possibility of achieving objective truth in modern criminal justice [O vozmozhnosti dostizheniya ob'ektivnoi istiny v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve]. Criminal Justice [Ugolovnaya yustitsiy], 2014. No. 1 (3). P. 69–73. (In rus.)
53. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Fr. a. Main: Suhrkamp, 1992. 667 p.
54. Haferkamp, H.-P. Georg Friedrich Puchta und die "Begriffsjurisprudenz" Fr. a. M.: V. Klostermann, 2004. XVIII + 534 p.
55. Jhering, R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 2. Abt. 2. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1858. XX + 696 p.
56. Popper, K. Evolutionary Epistemology. Evolutionary Theory: Paths into the Future/ Ed. by J. W. Pollard. New York: John Wiley & Sons, 1984. P. 239–255.
57. Shannon, C. E. A Mathematical Theory of Communication. The Bell System Technical Journal, 1948. Vol. 27. P. 379–423.